

18+

Григорий Зарубин

*Элегия
о гауптвахте,
или Сто сорок
суток ареста*

Григорий Зарубин

**Элегия о гауптвахте, или
Сто сорок суток ареста**

«Издательские решения»

Зарубин Г.

Элегия о гауптвахте, или Сто сорок суток ареста / Г. Зарубин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-681490-5

Повесть заявлена как юмористическая. Но тем, кто сживал солдатиком рядовым на гауптвахте, возможно, такой не покажется. Действия происходят в последние дни жизни Советского Союза, что ещё более усугубляет печальное положение главного героя.

ISBN 978-5-00-681490-5

© Зарубин Г.
© Издательские решения

Элегия о гауптвахте, или Сто сорок суток ареста

Григорий Зарубин

© Григорий Зарубин, 2025

ISBN 978-5-0068-1490-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Григорий Зарубин

**Элегия о гауптвахте,
или сто сорок суток ареста**

Все имена, фамилии, отчества, действия, события, – вымышленные.

Элегия – это печальное повествование.

Гауптвахта – специальное помещение (сооружение) или целый комплекс сооружений для содержания под арестом советских военнослужащих, совершивших проступок или даже преступление.

Гауптвахту на жаргоне часто именуют: «губа», «кича». Но мы, как люди воспитанные и образованные, в нашем рассказе так называть её не будем.

Ещё иногда, исключительно в редких случаях, военные допускают слабость – матерятся. Мы же будем стараться не пропускать нецензурные выражения. А в тех самых случаях, когда иным способом выразить яркую мысль невозможно, – напишем, всем известное, слово на букву «Б»: «блин». Это не слово-паразит, а, так сказать, выражение, – от чрезвычайно и бурно нахлынувших эмоций.

Целенаправленно не буду указывать род войск, место дислокации части, и даже постараюсь обходить косвенные ориентиры.

Поймите правильно: и страны той уже давно нет, и жили тогда люди, мягко сказать, «неодинаково». Кто-то любит Советский союз, кто-то нет. Кому-то понравилось в той армии служить, кому-то не очень. Кого-то вкусно кормили, добротнo обували, одевали; возможно, и научили чему-то полезному, и правильно воспитали. Я не спорю. Повезло. Сам лично видел такие воинские части. Как правило (не утрирую) там служили прекрасные замечательные офицеры. Но мне не повезло...

Итак, дорога в армию.

Ехал я служить в воинскую часть на поезде. Ничего абсолютно, скажу я вам, особенного. Поезд как поезд, вагоны как вагоны. Наверняка, и вы когда-нибудь и куда-нибудь ехали на поезде. Всё то же самое...

Понятное дело, что в плацкарте. Бельё постельное, по объективным и субъективным обстоятельствам, не покупали. Гражданские пассажиры тоже ехали с нами в вагоне. Кстати сказать, они тоже не брали постельное. Проводница этим фактом коммерческим была очень недовольна.

В общем, ехали и ехали себе. Вагон скрипучий кренило на перегонах. Одни открывали окна, дескать, им было душно; другие – закрывали, чтобы сквозняка не было. Кто-то дико храпел, кто-то пакетами шуршал, кто-то и, простите, пукал. Курить ходили в тамбур (тогда ещё можно было), и запах табака разносился густо сквозь весь вагон. Пили водку и чай из стаканов гранёных. Кто-то играл в карты. Кто-то спал, взобравшись на верхние полки. Кто-то выломал дверную ручку в туалете, поэтому приходилось изнутри дверь постоянно чем-нибудь блокировать, или истошно визжать: «занято!!!».

А я, будучи «ботаником», так сказать, интеллигентно, сидя на «боковушке», читал томик прекрасных стихов Северянина, потягивая из фарфоровой чашечки, не менее прекрасный, дедовский крепкий, настоянный на кедровых орешках, самогончик...

– Бухаете, как скоты! – прибежал из другого вагона иногда сопровождающий нас нервный старший лейтенант, – а ну сдать мне немедленно все бутылки!!! Я вам устрою!!! Вот сидит человек, книжку читает! Берите пример!

Я, порядком захмелевший, покачивал головой в такт скрипучему вагону и добродушно ухмылялся. Нос мой раскраснелся неимоверно, очки запотели, стихи на фоне мелькавших ёлочек были восхитительны...

Первый день службы

В те далёкие свои молодые годы выглядел я следующим образом: рост – метр семьдесят, шатен, два верхних правых зуба накануне удалены, худого телосложения, размер обуви – сорок второй.

Ничего примечательного. Таким и надо быть в армии, – ничем не отличаться от остальных. Иначе могут возникнуть проблемы.

А я носил очки. Это уже плохо. Вдобавок очки оттеняли мой длинный нос – это очень плохо. Нос часто от волнения потел и краснел – это бедствие.

К тому же фамилия моя – Оглоблин, имя – Авксентий, отчество – Харитонович: и это уже настоящая трагедия.

Уж скромно умолчу о том, что мне нравилось слушать классическую музыку. Это вообще катастрофа...

– Оглоблин?! – в первую же минуту моего пребывания в родной части окликнул меня товарищ прапорщик.

– Я!

– Ты, знаешь ли, я к тебе отношусь, в целом, и пока что, неплохо, – начал «издалека» старшина, – ты скажи мне, как тебя называть, чтобы не обидеть, нечаянно исковеркав твоё имя, но и подходяще, так сказать, сподручнее было б тебя всё же материть?

– Можно Сева.

– Сева?

– Да.

– Это будет тебе не обидно?

– Нет.

– А меня зовут Виктор Сергеевич Мальцев.

– Очень приятно.

– Пошёл ты, Сева, «очень далеко»!

Красивая форма одежды красивого солдата.

В первый же день по прибытии с поезда выдали нам, салагам, форму со склада.

Да, раньше одевали солдат в самой части. А гражданскую одежду официально предлагали или выкинуть или отправить домой в посылке. Наверное, оттого и ехали служить в откровенном тряпье, точно нищие бродяги.

В комплект казённого обмундирования входило, как-то: зелёная пилотка со звёздочкой; ремень солдатский с бляхой со звездой; тонкий брючный ремешок; хлопчатобумажные зелё-

ные «штаны», – или как они там называются, но что-то вроде «галифе». Напишите в комментариях, если кто знает. Такая же «куртка» дореволюционного покроя; сапоги кирзовые; портянки; чёрного цвета и огромного размера трусы. Собственно, весь гардероб.

Выдали также каждому: ложку алюминиевую, фляжку алюминиевую и солдатский котелок алюминиевый из двух отсеков в зелёном чехле.

– А, это самое, а нитки?!

– Товарищ, блин, солдат! Нитки, иголки, подворотнички, – купите в магазине в военном магазине. Куда вас всех после обеда организованно сводят, блин!

В это время дембеля с радостными злобными лицами уже заглядывали к нам в окна временного расположения со стороны улицы, несмотря на то, что расположили нас на пятом этаже. Каким образом они туда залезли, и за что там держались, – остаётся лично для меня загадкой...

– Эй, салаги! Часы есть у кого-нибудь?! – орали дембеля в щели ветхих ставен, – джинсы есть?! Кроссовки?!

Я открыл узкую форточку...

– Солдат, блин!!! – окликнул тотчас меня офицер, – отойди-ка от окна!!!

У меня и нечего было отдавать-то, я просто хотел помочь солдатам со стороны улицы ненароком не упасть.

– А ну «быстро слазьте и идите куда-нибудь далеко отсюда», скоты, блин!!! – заорал грозным матом на дембелей офицер.

Наглые «персоны» по ту сторону окон быстренько исчезли.

Баня.

Почему я начал излагать свою скромную «солдатскую элегию» с вопросов помывки? Да оттого, что с этого и началось, так сказать, глубокое «погружение» в жестокую солдатскую действительность.

Итак, бани в части не было.

Как-то немного позже возле клуба мы разбирали кирпичи, мусор всякий таскали, откопали какие-то бетонные блоки ненароком...

– Это бассейн, товарищи солдаты! – старшина зло прищурил левый глаз, оглядывая широкую плиту под своей ногой.

– А что с ним случилось, товарищ прапорщик? – хором спросили мы.

– Нету, – очень коротко и резонно заметил старшина.

То ли он был когда-то, этот бассейн, и с ним что-то стряслось; то ли его хотели построить, но ресурсов не хватило: лично я никогда не узнаю.

Если кто знает, пишите в комментариях.

– Товарищ прапорщик, разрешите перекур?!

– Валяйте, – снисходительно разрешил старшина.

Помывка первая.

Однако, на следующее утро, как мы прибыли в часть, нас повели в баню. В баню надо было идти примерно три километра, если по лесной дороге. Вот туда мы и пошли. У нас уже были индивидуальные белые вафельные полотенца. Мыло хозяйственное старшина выдал накануне: кусок на четверых.

– Так, рота, стой! Ать-два! – в начале дороги остановил нас прапорщик, – сняли полотенца, быстро! и спрятали за пазуху!

Мы послушно выполнили приказ. И двинули дальше, в предвкушении увидеть за поворотом в лесной чаще какое красивое, наверняка деревянное сооружение с дымящейся трубой. Где есть парилка, удобный трапик к речке, в холодильниках – квас, на лужайке в мангалах жарится шашлык, а кто захочет, может попытаться удачу спиннингом выловить рыбку...

За поворотом мы увидели... в точности такое же, как и до поворота, продолжение хмурого леса. Однако узкая тропинка сворачивала направо прямо к речушке.

Злобная местная речка, – «баня»: была мелкой по колено и чрезвычайно холодной. Старенькая механическая машинка больно выщипывала наши «гражданские» кудри.

Как ни странно, никто не простудился. Наверное, находясь в состоянии стресса, наши организмы попросту не обратили внимания на посинение кожи.

Стриженные под ноль пацаны не узнавали друг друга. «Гы-гы-кали», подтрунивали, пихались. Старшина, судя по его взъерошенным усам, из последних сил сохраняя остатки спокойствия, терпеливо учил правильно наматывать портянки.

Портянки – это такие «тряпочки». Их нужно плотно, без лишних складок, правильно обмотать вокруг голы ступни. При соблюдении инструкции форма портянки внутри сапога не разваливалась. Соответственно, не натирала мозоли. Я, к счастью своему, слушал и смотрел внимательно.

На обратном пути терпение у прапорщика всё ж таки лопнуло, так сказать – «взорванной плотиной чувств и негативных эмоций». И на подходе к части, весьма погрузневшие и изрядно вспотевшие, мы сносно, но уже умели маршировать строевым шагом...

– Рота! Становись! Отставить! Приказ «Отставить» выполняется в три раза быстрее!!! Становись, блин!!! На месте, шагом... упор лёжа принять!!! Скоты, весело им тут, блин!!! Ать-два, ать-два!!! Становись!!! Шагом, марш!!! «Отставить»!!! ... упор лёжа принять!!!

Помывка вторая.

Как-то привезли нас на грузовиках в городскую баню.

Баня как баня. В любом провинциальном городке такая есть. Помывочный комплекс обнаружился: серого мышинного цвета, что снаружи, что изнутри; ледяной каменный пол; в помывочной – один тазик на десятерых; из крана лился только кипяток.

Холодной воды почему-то не было.

Я не знаю, отчего так. Пишите в комментариях.

В общем, за четыре часа ожидания помылось процентов от личного состава – ноль... никто так и не помылся.

Зато на улице, в ожидании, бурлили неопишуемые страсти! Несознательные солдаты, а проще говоря, и выражаясь сержантским языком: «скоты со свиными рылами» разбежались без разрешения по окрестным продуктовым магазинам. Покупали себе кульки с пряниками и конфетами, и «чавкали» их прямо на улице. Впрочем, и те, кто с разрешения ходил в булочную, – эстетическим поеданием хлеба не отличался.

Я? Что, я. У меня денег не было. Я сидел скромно на скамейке в тени тополя. Читал местную газету, любезно подаренную мне местным старичком—коммунистом. В газете, помимо обличения либералов и местной буржуазии, на последней странице был кроссворд, вдобавок, шахматная задачка...

Помывка третья.

Помывки третьей не было.

То есть, запланированных посещений бань, в том или ином виде, не было. Никогда!

Не знаю, кто, где, и когда мылся. Я лично ходил на речку пока снег не выпал.

Да, вру я вам! Какая речка? Ну, какая, блин, речка?!!! И кто меня туда отпустит?! Да и сам я не очень-то хотел! Быть чистым, – далеко не самая главная проблема у молодого солдата. Вы уж мне поверьте! Впрочем, до наступления зимы, в душ раза четыре я ходил в кочегарку, пока чумазые кочегары меня не оглушили и глумливо не выгнали голышом на улицу...

Покос травы.

Да, есть такое важное дело у людей – косить траву. В сельской местности, таким образом, заготавливают корм животным на зиму. И в городе убирают траву в парках, скверах, газонах. Наверное, – для красоты, я думаю.

В моей части тоже косили траву. Но цель, а в главной степени подход к делу, – совершенно иные.

Начну с «подхода». Для косьбы необходимо, как-то: человек с двумя руками; или конь; или трактор. Крайне необходим режущий инструмент: коса, серп или какая-нибудь механическая косилка. Впрочем, в крайних случаях можно косить и саблей или мачете.

Я уж молчу о том, что нужны вилы, грабли, волокуши, специальная одежда, холодный квас для утоления жажды. Но это, так сказать, вообще не существенные артефакты.

В армии из всего вышеперечисленного было в наличии исключительно только неумное горячее желание командиров найти субботнее развлечение для личного состава...

– Так, товарищи солдаты, косим всю эту траву вдоль забора!

– Товарищ прапорщик! Разрешите обратиться?!

– Да, Мохов, чего надо тебе?

– А чем косить?!

– Ты – дебил?! Мохов!

– Никак нет.

– Так смотри, блин, как твой товарищ Оглоблин делает!

– Так он её, эту траву, с корнем выкапывает!

– Значит, и ты так делай! Пользуйся, так сказать, – чужим интеллектом.

– Товарищ прапорщик, разрешите обратиться?!

– Мохов, блин! Чего тебе ещё от меня надо?!

– А где лопату взять можно?

– Мохов, скот ты, «сексуально озабоченный»!!! ты издеваешься?!!! Оглоблин – ко мне!

– Товарищ прапорщик, по ваш...

– Боец! – перебил меня Мальцев, – ты где лопату брал?!

– У меня нет лопаты, – я даже показал пустые грязные ладони.

– А чем ты траву выкапываешь?!

– Руками...

– А почему ты у меня не спрашиваешь, где, например, брать шанцевый инструмент?!

– Честно, товарищ прапорщик?

– Честно, честно, Оглоблин!

– Я думаю, что было бы это действие непродуманным с моей стороны проступком с неопределёнными печальными последствиями для меня.

– Молодец, Оглоблин! Помой-ка где-нибудь свои ручонки. На тебе денежку. Кладу в твой карман. Сбегай в киоск. И купи мне и себе по стаканчику мороженого. Так, Мохов! Упор лёжа принять!!! Раз – два, раз – два...

Отсидка на гауптвахте – первая

Первый раз в своей никчёмной солдатской жизни, буквально на первом месяце службы, водворён я на гауптвахту был в солнечный июльский жаркий денёк; где-то после обеда. Отчего так помню хорошо? Такое событие не забывается никогда.

Как глубокий шрам на лице. Обычно не обращаешь внимания на физический дефект, свыкнувшись жить с ним. Но, время от времени, да и вспомнишь, к примеру, бреясь и смотрясь в зеркало.

Попал я туда за дело. Оправдываться не буду. Самовольно оставил воинскую часть.

Дело в том, что от центрального КПП с распахнутыми зелёными железными воротами до гражданского ларька было метров десять не больше. Буквально через однополосную автомобильную дорогу; ну плюс газон метра два-три.

Офицеры, конечно, как воспитанные и дисциплинированные люди, шли на службу или домой через специальный пешеходный проход возле будки с часовым. А солдаты шмыгали как раз через эти самые открытые ворота.

Да понятно, совершенно понятно, что какой-нибудь «скот» вроде меня мог бы спокойно перелезть невысокое ограждение – в любом месте по периметру. В метрах ста за зданием госпиталя вообще никакого забора не было.

И в самом-то киоске ничего путного не продавалось. Даже сигарет не купишь, оттого что во всей стране в то время с куревом было плохо. Да и денег у меня не было ни копейки. Впрочем, я и не курил и не сильно употреблял спиртного. А до женского пола, уж поверьте, солдату на первом месяце службы и мысль не придёт. Два желания заветных только есть: поспать, свернувшись где-нибудь калачиком, да пожрать чего-нибудь!

Чего я там околачивался? Если б и было что-то дельное и важное – буквально рядом, в бетонной плите ограждения, наличествовала для этих целей вполне сносная дыра.

В общем: все ходили, нарушали, а пойман был именно я.

Злобный майор этак ловко прихватил меня за шиворот...

Если бы он хотя б спросил, зачем и куда я иду...

– Ну, и куда ж это ты, «родненький», собрался?! – попался я однажды на глаза ехидному усатому с шикарными бакенбардами капитану.

– Товарищ капитан, здравия желаю! Отправлен посыльным к товарищу прапорщику!

– Чого кажеш? – спросил он с сильным акцентом, выдававшего исконного белоруса.

– Отправлен посыльным к прапорщику. Передать, что он застывает дежурным.

– Що у него телефону немає?! Лапшу мне на уши...

– Никак да. Нет!

В общем, отмазался я бы как-нибудь, наверное...

Но этот товарищ майор не спросил. Думаю, в этом-то и есть, в том числе, большое отличие «капитанов» от «майоров».

Я сразу заметил через призму солдатской службы, что «капитаны», «прапорщики» и «старшие прапорщики» – никогда и никуда не торопятся. И им всегда скучно. А что? Наверняка так и есть. Вышестоящая должность пока не светит, до пенсии далековато, и в очередном воинском звании большого-то смысла нет. Поэтому если они и предпринимают какие-то «действия»: марш-броски с рядовым составом, организация побелки казармы, дежурства и т. д. и т. п., то исключительно при крайней необходимости или если это «действие» очень увлекательное и весёлое.

С «майорами» куда как сложнее. Эти всегда торопятся. Всегда активные. Всегда злые, от того, что не успевают. Вернее, от того, что подчиненные их не успевают. Они хотят стать подполковниками!

Всех же офицеров в части старослужащие солдаты называли: «кадеты». Конечно, за глаза, и в случаях повышенной опасности...

– Атас, «кадеты»!!!

– Через плац не ходи! Там «кадеты».

– «Кадетам» стучать нельзя!

И т. п. и т. д.

К слову, через плац наискосок, чтобы срезать путь, ходить, и правда, было нельзя. Почему офицеров обзывали «кадетами»? если честно, я не знаю. Если вы знаете, пишите в комментариях.

Догадываюсь, что это прозвище не связано никоим образом с политическими воззрениями дореволюционной партии конституционных демократов. Скорее наоборот, я отнёс бы «родного» старшину Мальцева к ярым «монархистам».

Но на мой скромный взгляд, прозвище «кадеты» не обидное. Даже подразумевает маленькую частицу благородства и гуманности к солдату.

Поэтому тогда тот товарищ капитан, немножко поглумившись надо мной ради смеха и от скуки, меня отпустил...

– Ладно, вали кулём (красивый и замечательный солдатик)!

– Есть, товарищ капитан!

– Хотя, стояти!

– Так точно, товарищ капитан!

– На-ка, сумку виднеси заодно ко мне до дому. Сейчас адрес чиркну.

– Да я запомню.

– «Уж слишком мало рыбы в твоём рационе, товарищ солдат, содержащей йод, необходимый для развития твоего малюсенького мозга»...запомятавши ты, ха-ха!

Впрочем, очень скоро с капитаном Решетко солдатская судьба моя свела очень близко.

В общем, сцапал меня за шиворот гимнастёрки майор, и поволок прямо к крыльцу штаба...

– Эй, дежурный!!! Вызывай караул!

Для меня это стало полной неожиданностью...

Не то, чтобы жизнь моя солдатская протекала развесёло и вольготно до этого дня, или в «розовой» дымке. Вовсе нет. Жёсткие правила выживания в армии усвоены мной были сразу, – практически на второй день приезда в часть. Эти правила были строгими, неукоснительными. За их несоблюдение немедленно следовало суровое наказание. К примеру, плохо намотал портянки, – натрёшь мозоли; если уснул на посту – получишь тапком по моське; если с вечера не подшился, – утром будешь много отжиматься (впрочем, всё равно будешь отжиматься, потому что кто-нибудь из твоего взвода всё одно встанет в строй с грязным подворотничком, и отжиматься будут все, но хотя бы после я не получу взбучки от сотоварищей); если плохо помыл свой котелок – обязательно к утру обдрищешься и т. д.

Но соблюдение этих правил была как некая, хоть и опасная, но всё же игра. А отжиматься, приседать, мыть полы, – только лишь следствие объективной реальности.

А тут не игра, – действительность. Жизнь... Одно дело, когда ты смотришь в кино, как тонет корабль, а другое, – когда сам, пуская пузыри, идёшь ко дну. И, правда, не прошло и получаса, пришёл за мной наряд. Сержант и два бойца, вооружённых настоящими автоматами, повели меня, на виду у всех офицеров и солдат, под конвоем в сторону гауптвахты.

По сильно опечаленному выражению физиономий окружающих, точно острая боль зубная их поразила, в момент шокирующего ареста, – я, так сказать, приобрёл важнейший агитационный статус «анти-солдата», дескать: «посмотрите на него! И запомните! так делать, как этот негодяй, – категорически нельзя!». И я взвалил на свои плечи миссию объекта воспитания. То есть, все солдаты, глазевшие на меня, в ту минуту глубоко задумались и над своим скорбным поведением. Моё же перевоспитание началось за высоким забором серых казематов...

Привели меня к этакой «бастилии»: одноэтажному серому зданию за высоким деревянным забором, поверх окутанным нещадно колючей проволокой. Забор был такой белый, что, отражаясь на солнце, больно слепил глаза.

Внутри же практически всё окрашено в ядовито-зелёный цвет: и здание, и двери, и какая-то бочка на колёсах, и туалет в глубине двора...

– Снимай ремень, – приказал лейтенант, начальник караула, озорно оглядывая меня с ног до головы, точно паук бедного комарика, запутавшегося в крепкой паутине.

Я послушно снял с пояса ремень, отдал сержанту...

– Военный билет.

- Нету, – соврал я.
 - А где он?
 - Потерял.
 - «Разгильдяй»!
- ***

Я уже был информирован от старших товарищей, что если окажусь в подобной ситуации, необходимо немедленно избавиться от всех улик и спрятать военный билет поглубже в голенище сапога...

- «Военник» обязательно потеряют, «замучаешься» потом увольняться!
- ***

Втолкнули меня в камеру. Закрыли за моей спиной железную дверь.

Кто-то что-то там философствовал об окне тюремном. Дескать, одни видят через решётку звёзды, другие – грязь. Я вам скажу только одно – окна в моей камере не было.

На ощупь «помещение» оказалось чрезвычайно маленьким: метр на метр максимум по периметру и два в высоту. То есть комфортно можно только стоять. Естественно, что кровать, стулья и прочая мебель и утварь отсутствовали.

Стены и пол на ощупь были из бетона. Цвет определить не представлялось возможным. Но, думаю, он был серый, или, скорее всего, зелёный.

– Эй, пить хочу! – крикнул я в щель двери, углядев проходившего мимо по коридору караульного.

- Перебьешься! – зло ответил он, – ещё вякнешь раз, три шкуры с тебя спущу!

Я догадался, что мои заветные желания «поспать и пожрать» в ближайшей перспективе не сбудутся...

А, правда, самое-то обидное, что никто мою фамилию даже не спросил. Никто. Ни злобный майор, ни начальник караула озорной, ни, тем более, рядовые «тюремщики».

Есть мнение, что арестанты, лишённые всякой надежды, запертые в застенках, слушают мысленно или поют вслух разные оперы, на крайний случай, сочиняют дерзкие стихи. Ну, а я чем хуже? Примостившись кой-как по диагонали на корточки на маленьком бетонном полу, пытался припомнить мелодию песни Лучо Далла: «Памяти Карузо». Восхитительный голос Лучано Паворотти, на мой взгляд, очень хорошо отображал мои страдания и чувства. Я представлял себя униженным и оскорблённым, ни много ни мало, таким «Эдмоном Дантесом», графом «Монте Кристо», и даже немного стал сам себе дирижировать, грустно напевая, стараясь подражать итальянскому диалекту...

– Чаго там выешь, гарэза?! – лязгнул железный засов, распахнулась дверь, и я узрел злобные глазки начальника гауптвахты, того самого капитана с шикарными бакенбардами, -идзипатрэнирусястраявойпадрыхтоуцы!

Моя солнечная «Италия» дымкой растворилась в жестокой действительности бытия солдатского...

И ещё, к слову тут сказать, уважаемый читатель, сложилось у меня такое мнение, что все абсолютно военные проявляют, мягко говоря, – музыконеуважение. Или по научному, – страдают мелофобией. И, вообще, что не «квадратное», не «прямоугольное», – то «безобразное» и, соответственно, неправильное. Поэтому крайне необходимо при обнаружении чего-нибудь «неквадратного» очень быстро это исправить, переделать, в крайнем случае уничтожить.

В армии дозволены только два цвета: зелёный и чёрный. В очень редких случаях допускается красный, как-то: на пожарном щите; на запрещающих табличках или указателях; на генеральских лампасах; в оттенке грозном и суровом во взгляде очей командира.

Этакий небольшой забетонированный «квадратик», напоминающий маленький ненавидимый плац, разлинованный красивыми белыми линиями – ждал меня.

До позднего вечера я в поту оттачивал строевой шаг.

Восхитительный ужин в «замке»? Был, конечно. Подали к столу, как-то: кофе, хлеб, перловая каша. Причём, всё это «великолепие» было взболтано в одной кастрюле. Я ограничился водичкой из-под крана.

Ночью, после «отбоя», так как днём арестанты «недурно отдохнули», меня и ещё целую «плеяду» бедолаг: «графьёв», «баронов», «виконтов», «маркизов», – вывели на воспитательные работы.

Таскали вёдрами воду в ту самую бочку на колёсиках. Подметали плац и тротуары. Пилили доски трухлявые на дрова. Стригли траву и подравнивали какие-то кусты колючие. От фонарей было светло. А потом появилась луна. Круглая, огромная невероятно. Я даже указал на этот факт сержанту...

– Луна как луна. Луна и в Китае луна. Там, в углу, листик вымети!

Ровно в восемь утра в дверь гауптвахты позвонил прапорщик Мальцев. Нервно обматерил сержанта. Забрал меня и отвёл в расположение роты.

Никогда и не подумал и не поверил бы, что буду так сильно рад-радёшенек узреть вечно злую усатую физиономию прапорщика...

Немного о распорядке дня советского солдата.

Прекрасное утро!

– Рота, подъем!!!

Эта самая чудовищная вещь в армии. Скажу я вам. И жуть эта невообразимая случается с солдатом каждое утро. День ещё не начался толком, а уже такая непоправимая беда. Подъем, блин!

Даже дневному, не спавшему полночи, и то проще. Ну, не спал он и не спал. Ничего не поделаешь. Всю ночь пребывал в стрессе. Мыл полы, драил раковины, стоял на «тумбочке» часами. В общем, бегал, – суетился. Для него рассвет – всего лишь: ночной кошмар, переходящий в дневной...

А другим тяжело несказанно...

Кто-то в грёзах девушку рыжеволосую тискал, лобызал. Другой – окуня поймал огромного, от чего-то с усами прапорщика. Третий – блины со сметаной трескал, причмокивая сладко во сне.

Но дежурный прокричал: «рота, подъем!»! ответственный от офицеров допинал особо любящих всхрапануть, вдобавок сосед нечаянно локтём хлестанул по моське. И ты просыпаешься. Продираешь глазёнки. Нервно потягиваешься. Вокруг, вместо блинов со сметаной и русалок рыжеволосых, – мерзкие надоевшие прыщавые солдатские рожи. Тьфу!!!

– Оглоблин!

– Я!

– Очень рад видеть Вас, товарищ солдат! Что стоишь, пузо своё скотское царапаешь?!!!

– Так точно.

– Бегом, строиться!

– Рота! Строиться на улице перед казармой! Форма одежды – номер четыре!

– Мохов! Скот! Думаешь, я не вижу тебя под кроватью?! Улёгся, блин!

– Оглоблин?!

– Я!

– Ты рад, что служишь в Советской армии?!

– Так точно!!! Я, офигеть, как неопишимо рад!!! Да здравствует наш самый великий и храбрый из храбрейших – товарищ прапорщик!!!

– Подхалим, блин...

Сырая гимнастёрка... вот истинно ужасающее испытание! Она же с вечера не просохла. Вчера дождь весь день лил как из ведра. И как её, родненькую, холодную, буквально мокрую, напялить на своё тощее жалкое тельце?

«Деды» на накаченных торсах носят майки хлопчатобумажные уставные, «черпаки» – неуставные футболки, а «дембеля» – так те вообще красуются в тельняшках.

Что есть у «салаги» из нательного белья? Ничего...

А отчего? А оттого, что кладовщик сказал нам: «... нету, блин».

По слухам, этот самый кладовщик, тряся брюшком, бегал каждый выходной на железнодорожную станцию, и продавал ворованный товар чемоданами.

Ну что, кладовщик, ты разбогател?! Тебе сейчас (если живой) лет шестьдесят. Ты, конечно, в оправдание, скажешь, дескать, время такое было, все воровали. Нет, не все. К примеру, товарищ прапорщик, мой старшина, не воровал. Да, он был злой и недовольный всегда. Матерился. Но не воровал. Капитан из роты связи не воровал. И даже, мною очень нелюбимый майор, замполит – не воровал.

Живи, кладовщик, радуйся. Трескай икру красную. Обдристаться желаю тебе...

Ну, а я накидываю на плечи полотенце. Стискиваю зубы. Медленно, «охая и ахая», надеваю сырую гимнастёрку. И резким движением, соединяя на веки вечные холодную материю с тёплой кожей, резким движением выдёргиваю полотенце...

Зарядка!

Это, скажу я вам, уважаемый читатель, какое-то невообразимо волшебное действо!

Но сценарий «волшебства» напрямую зависит от личности ответственного дежурного офицера по части.

Если, например, приходит на плац командир разведроты, мы бегаем долго и быстро вокруг части. Старлей тоже бежит с нами кросс. Так что где-нибудь схорониться не получится. Разведчик успевает бежать и взад и вперёд, и между, и следить одновременно, чтобы солдаты передвигались ровными «коробочками»...

Если приходил наш старшина, то мы дружно «висим» на турниках, а в перерывах на специальной трубе качаем пресс. Некоторые от напряжения громко пукают...

Если же никто не приходит из офицеров, мы под чутким руководством сержантов, занимаемся йогой. То есть рассматриваем загадочное звёздное утреннее небо. Курящие задумчиво пускают сизые дымы. Некурящие – рассматривают луну.

Умывальные процедуры.

После зарядки солдатам представлялась потенциальная возможность побрызгать водичкой себе на моськи, почистить зубы и заправить спальные места.

Но есть нюансы...

Летом воды в казарме не было. Совсем.

Подгоняли к крыльцу бочку на двух колёсиках. Примерно, хватало каждому набрать одну фляжку. Это один литр. Один литр, блин, на сутки! Это нужно: помыться, постираться, и, собственно, попить в жаркий полдень.

Автомата с лимонадом или куллера не было. Бегали мыться на речку. Командиры не препятствовали, даже поощряли. Туда – три километра, и, соответственно, назад – пять километров (по их воле дорога всегда удлинялась).

С заправкой постелей было немного сложнее. Дело в том, что подушка и синее солдатское одеяло должно было иметь в заправленном виде чёткие прямоугольные формы. Достигалось такое уникальное «волшебство» двумя солдатскими ладонями. Можно, конечно, и специальными деревянными плашками, но их не было в наличии.

Завтрак.

Летом солдат кормили на полевой кухне.

Конечно, сразу представляется этакая красивая и аппетитная картина, – завтрак на свежем воздухе, завтрак на природе! Где радостные солдатики с котелками подходят гуськом к повару, тоже весёлому, в белоснежном колпаке. Он, беззаботно подмигивая, огромным черпаком наполняет алюминиевую посуду вкусной рисовой кашей с мясом. Приглашает вежливо после подойти и за компотом из персика. А солдаты, примостившись под тенью берёзок, уплевают за обе щёки...

А вот, блин, и нет!

Мы стоим, угрюмо глядя, как к нам со стороны города надвигается огромная величавая чёрная тучица. Молчком подходим по очереди к котлу. Грязный повар грязными руками, между прочим, без головного убора вообще, злобно зыркая, льёт нам в котелки серую жижу. Это овсяная «каша». Овёс в склизкой «жиже» с шелухой. И не солёный абсолютно. И, как бы: «чай», – напиток со странным вкусом и не менее странного ярко-жёлтого цвета.

Из подоспевшей чёрной тучи на нас низвергается ливень. Вода ручьём льётся с головы прямо в котелок.

Очень «вкусный» завтрак, скажу я вам...

Обед.

Обед, собственно, ничем почти не отличался от завтрака. Всё такое же: полевая кухня, грязный повар, жара или ливень, заспиртованный хлеб, брэнчание нетерпеливое солдатских котелков в живой очереди к котлам.

На первое был суп. А именно: жёлтая вода с одним листиком капусты. На второе была каша, а именно: серая вода с дюжиной крупинок перловки. На третье был компот. Но его некуда было наливать. Так как две алюминиевые ёмкости уже были заняты.

Ужин.

На ужин обычно подавали варёный минтай. С рыбными «пёрьями» и кишками. Хотите кушайте, хотите не кушайте. Дело это было добровольное. Что за рецепт такой, я не знаю. Пишите в комментариях.

По слухам, сам лично я не видел, в котлах всё же присутствовало и мясо, была и каша нормальная. Но где-то там, – ниже середины «ватерлинии» котлов. Отчего повар не хотел перемешивать черпаком перед раздачей содержимое? Я тоже не знаю.

После трапезы полагалось мыть котелки. Для этого действия даже выделялось время.

Котелки никто не мыл. Из-за того, что воды горячей не было.

Естественно, что случилась дизентерия у личного состава. Госпиталь был переполнен, так сказать, «дристунами». Как-то на общем построении зам по тылу и зам по медицине лично проверили шесть случайных солдатских котелков. Выявили грязь. Наорали на всех. И ушли.

Горячая вода, впрочем, так и не появилась...

Краткий словарь из солдатских будней...

«Крокодилы»

Это такое экзотическое название физических упражнений для солдат, – на сон грядущий. Карательной или воспитательной функции не несло. Особо-то и военные навыки не оттачивало. Скорее всего, имело исключительно одну цель – поднятие весёлого настроения сержантам.

– Взвод, «крокодилы»!!! – даёт команду сержант.

Солдаты скидывают одеяла, ногами упираются в заднюю спинку кровати, а руками в переднюю, и «висят». Мне было комфортно с моим ростом и накаченным на исправительных работах прессом. Пайзула был длиннее и худее меня, соответственно ему ещё проще было «висеть». А вот Мохову чрезвычайно не повезло, что называется «метр с кепкой», – он едва дотягивался конечностями до кроватных железных дуг, буквально вытягивался в струнку, и, неизменно, падал. Чем очень злил и одновременно веселил сержанта. Ещё больше не везло тучному Анашкину. Он и трёх секунд продержаться не мог.

«Держание подушки на вытянутых руках»

Это физическое упражнение имело воспитательную функцию, – подавление «низменных» инстинктов. Долго подушку не продержишь. Через минуту, кажется, что она весит сто пудов. Руки трясутся, коленки дрожат.

«Отжимание»

Физическое упражнение, имеющее будничны́й характер. Может налагаться как в целях воспитательных, так и карательных. Кроме того, отжимание может применяться и в качестве отдыха...

– Взвод! На месте стой! Отдыхаем! Упор лёжа принять! Раз, два! Раз, два! Отдохнули?! Встать! Бегом марш!!!

«Ходьба гуськом»

Применялась исключительно для собирания веточек и прочего мусора на плацу.

«Строевая подготовка»

Речь идёт о «маршировании» в кроватях после отбоя.

– Взвод! Была команда «отбой»! нале-во!

Мы, скрипя нещадно кроватными пружинами, поворачиваемся на левый бок.

– Шагом, ар-ш!

«Маршируем», то есть, чинно дрыгаем, – лягаем ногами под простынями, имитируя ходьбу.

– На месте стой! Кругом! Напра-во!

По моему мнению, безобидное упражнение перед сном грядущим. Солдатики согреваются, сержантам весело.

«Подъём»!!!

Имеется в виду как физическое упражнение. Необходимо было одеться и встать в строй за так называемые сорок пять секунд. Надобно было, как-то: вскочить в штаны, запрыгнуть в сапоги, нахлобучить гимнастёрку, не забыть натянуть на лысую башку пилотку, подпоясаться ремнём, и встать в строй. Но...

Но у сержантов секундомеров не было. И спичек иногда – тоже. Дескать, спичка прогорает за пресловутые сорок пять секунд. Это, я вам скажу, не всегда так. Время отмерялось приблизительно, так сказать, на сержантский «глаз». И чрезвычайно важно было, – в каком расположении духа командир соизволил подавать команды.

Всё ж таки опыты проводились. И мой личный рекорд – двадцать пять секунд.

Есть нюанс...

А именно – портянки!

Портянки должны быть правильно и аккуратно намотаны на ступни ног. Но, чтобы сэкономить дефицитное время, солдаты нахлобучивали обувь как придётся. Иногда неожиданно мог поступить и последующий приказ...

– Взвод! Строиться перед расположением!

Личный состав, конечно же, строится на улице перед дверью казармы...

– Это!!! – сержант разжимает кулак перед строем, показывая всем бычок от сигареты, – это я нашёл тут, блин, прямо на крыльце!!! Нале-во!!! Бегом, марш!!!

И мы бежим трусцой по ночной дорожке «хоронить бычок».

«Захоронение бычка»

Это, так сказать, марш-бросок. Километров на десять или больше, и только в одну сторону. Приходилось же ещё и возвращаться обратно, естественно. Субъектом захоронения могло быть что угодно: сигарета, фантик, спичка и т. д. и т. п. Расстояние и направление предстоящего маршрута также зависело от настроения командира.

Так о чём я? А о том, что портянки лучше наматывать хорошо. Потом – времени может и не быть их перематывать...

«Отбой»

Имеется в виду как физическое упражнение. Даже если и протикало десять часов ночи, и сержант скомандовал «отбой», – это вовсе не значит, что можно лечь в кровать и сладко себе дрыхнуть.

При команде «отбой» также было необходимо очень быстро раздеться до трусов: штанишки и гимнастёрку аккуратно сложить на стуле, правильно расположить ремень, пилотку. Портянки намотать на голенища сапог. Залезть под одеяло и закрыть усталые глазки. Но...

Но какой-нибудь «поросёнок» из твоего взвода, а может, и ты сам не очень аккуратно сложил форму, или недостаточно «устало» закрыл глаза, или ещё днём выбесил командира чем-нибудь, и тогда звучит команда «подъём» – со всеми вытекающими последствиями.

Чередование команд «отбой» и «подъём» может происходить от одного раза и до бесконечности, то есть до утра.

Тревога.

Это когда солдату тревожно на душе. Во всех смыслах этого слова.

«Можно ли было солдату читать книги?»

Отвечу коротко – можно. От трёх часов ночи до пяти утра. Где бы вы ни находились по службе, и даже в наряде, ни один командир против этого не возражал. Впрочем, и читающих солдат я лично ни разу не видел.

«Можно ли было солдату писать стихи?»

Также отвечу коротко – можно. От трёх часов ночи до пяти утра...

– Я устал идти, товарищ сержант.

– Ну, так и иди себе усталым.

Осень, блин.

Прекрасная пора, скажу я вам. И не жарко, и комаров почти нет, и ягода бесплатная в лесу поспела.

Вот и прапорщик Мальцев послал нас в лес...

– Так, старший в группе – Мохов! К 17.00 жду всех возле дороги на опушке, с полными котелками! – бодренько инструктировал нас старшина, – всё, вперёд, бойцы!

Бойцов было трое: я, Мохов и Анашкин. Спецгруппе было выдано: штык-нож – один, новый и чистый, котелок алюминиевый литровый – три, зелёная плащ-палатка – три, компас – один, и картинка цветная на листке, вырванным из какой-то книжки: «Брусника. Семейства Вересковые».

– На болото надо идти, – предложил в гуще леса Мохов, брезгливо скидывая с ушей лесную паутину, – там много ягоды.

– Но там же сыро. Змеи, лягушки! – задумчиво почёсывал живот Анашкин.

– В бор надо, где чисто, – веско заметил я.

Мой хитрый план понравился всем. Но требовал большего теоретического обоснования...

– «Во бору брусника» – даже фильм такой есть, – припомнил я.

– Тогда идём искать бор! – с радостью приказал Мохов.

Через полчаса нашли бор. Оказалось, что в бору растут сосны. И, правда, очень чисто, и далеко просматривается местность.

А далее возникли экстраординарные события, но, как и полагается, со знаком «плюс» и «минус»:

Бруснику нашли, но мало.

Набрали – пол-литра, но Мохов почти всю её втихаря сожрал.

Нашли грибы, но никто не знал уверенно, что это за грибы, а главное, съедобные ли они.

Я твёрдо сказал, что это «лисички», они очень полезные, их даже продают за валюту в Германию. Признаюсь, что я руководствовался тем, что хотел немножко полечиться, пару дней, в госпитале, так сказать, – отдохнуть. Одного бы меня не стали лечить, а нескольких бойцов – руководству пришлось бы положить в стационар.

Но почему-то мне охотно поверили. Анашкин быстро развёл костерок. И на палочках «лисички» поджарил. Мохов к этому времени уже страдал животом от ягоды, терять ему было нечего, поэтому первым приступил к лесной трапезе.

Как ни странно, никто насмерть не отравился.

И что мы съели там, в лесу, до сей поры мне неизвестно. Скажу вам, что грибы были ярко – розового цвета с синенькими полосками. Напишите в комментариях, если вы знаете.

Кстати, старшина собранную нами ягоду забраковал и выбросил. Сказал, что это не брусника...

– А какая эта ягода, товарищ прапорщик? – спросил Анашкин.

– Не знаю, – искренне признался Мальцев, – но точно не брусника. Вроде как на кислицу похожа. Но вряд ли.

Мохов побледнел ещё больше. Убежал в туалет чистить желудок...

Отсидка на гауптвахте – вторая

После первого водворения на гауптвахту я перевоспитался, и начал покуривать. Стал более молчаливым и ехидным. Так сказать, детство закончилось...

– Рядовой Мохов! – как-то утром наш ротный лично заинтересовался внешним видом подчинённых.

– Я! – проямлил Мохов, стоявший рядом со мной в шеренге.

– Почему кантика нет?!

Мы непроизвольно оглянулись на затылок товарища. Оттого, что видели буквально вчера в умывальной, как Мохов бритвой счищал себе кантик. Но злополучный его кантик не удался. Если, очень мягко сказать, совсем! только белела на грязном затылке, вырванная клочками, широкая неровная полоса сантиметра три – четыре...

– Так, это... мне не видно-то самому...

– Чего тебе «не видно»?! «олень», товарищей попросить не мог?!

– Я просил!

– Кого ты просил?!

– Товарища Оглоблина.

– И что?!

– Он сказал, что ему некогда.

Я опустил глаза, делая вид, что разглядываю трещинки в бетонном полу, и меня допрос совершенно не касается.

– А других просил? – уставился на меня старший лейтенант.

– Никак нет.

– А что у нас в роте, Оглоблин – самый крутой, «окантовщик», блин?!

Я, наверное, хмыкнул непроизвольно. Потому что обрёл такой ладный отточенный удар офицерским кулаком по моське, что выплюнул обломок верхнего зуба.

Ничего не сказал и не сделал. Только от удара немного качнулся на полшага к стене. А что я мог сказать или сделать? Только и оставалось презрительно заухмыляться, нагло уставившись на старшего лейтенанта...

– Прапорщик Мальцев?! – ротный окрикнул из дальнего угла коридора старшину.

– Я!

– Отведите рядового Оглоблина под арест на гауптвахту!

– Есть!

– Отставить! – старлей тоже заулыбался ехидно.

– Есть отставить! – старшина вплотную подошёл ко мне.

– Побрить наголо!

– Есть, побрить наголо! – щёлкнул каблуком Мальцев, – а...?

– А после отведёте на гауптвахту.

– Пошли, что ль, – Мальцев ещё раз дунул в лезвие электрической бритвы. Любовно её вытер тряпочкой и убрал в шкаф.

– Пойдёмте, – согласился я, глядясь в зеркальце.

– Ну как?

– Хорошо, товарищ прапорщик. И не так жарко будет.

– Это точно...

По пути в мою «родную и любимую «бастилию», очевидно, что было ему не очень приятно исполнять приказ ротного, старшина философствовал о том, что не честно, дескать, получается. Рядовой Сева Оглоблин добровольно пришёл служить, а его за это же и наказывают. Надо бы бить тех, кто уклоняется.

– Ага, – согласился я лаконично. Отдал ремень. И сам позвонил, вызывая дежурного по гауптвахте.

На этот раз меня водворили в большую камеру. Но в ней тоже не было даже намёка на какие-нибудь там кровати или нары. Абсолютно пустое помещение три на три метра, правда, с зарешеченным окошком во внутренний дворик.

Через час где-то в камеру закинули ещё одного.

Хитрый и наглый тип. На год—полтора прослужил дольше. А по годам лет на десять старше.

Не успели мы познакомиться, как в окно сквозь решётку кто-то бросил красную пачку сигарет «Примы», коробок спичек, три рыбные консервы, и впихнул буханку белого хлеба...

– От души! – зыкнул он вслед исчезнувшей в окне руке. И кто-то на улице быстро ушёл, цокая каблуками.

Судя по железным «набивкам» на каблуках солдатских сапог это был явно старослужащий. И даже не из состава караула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.